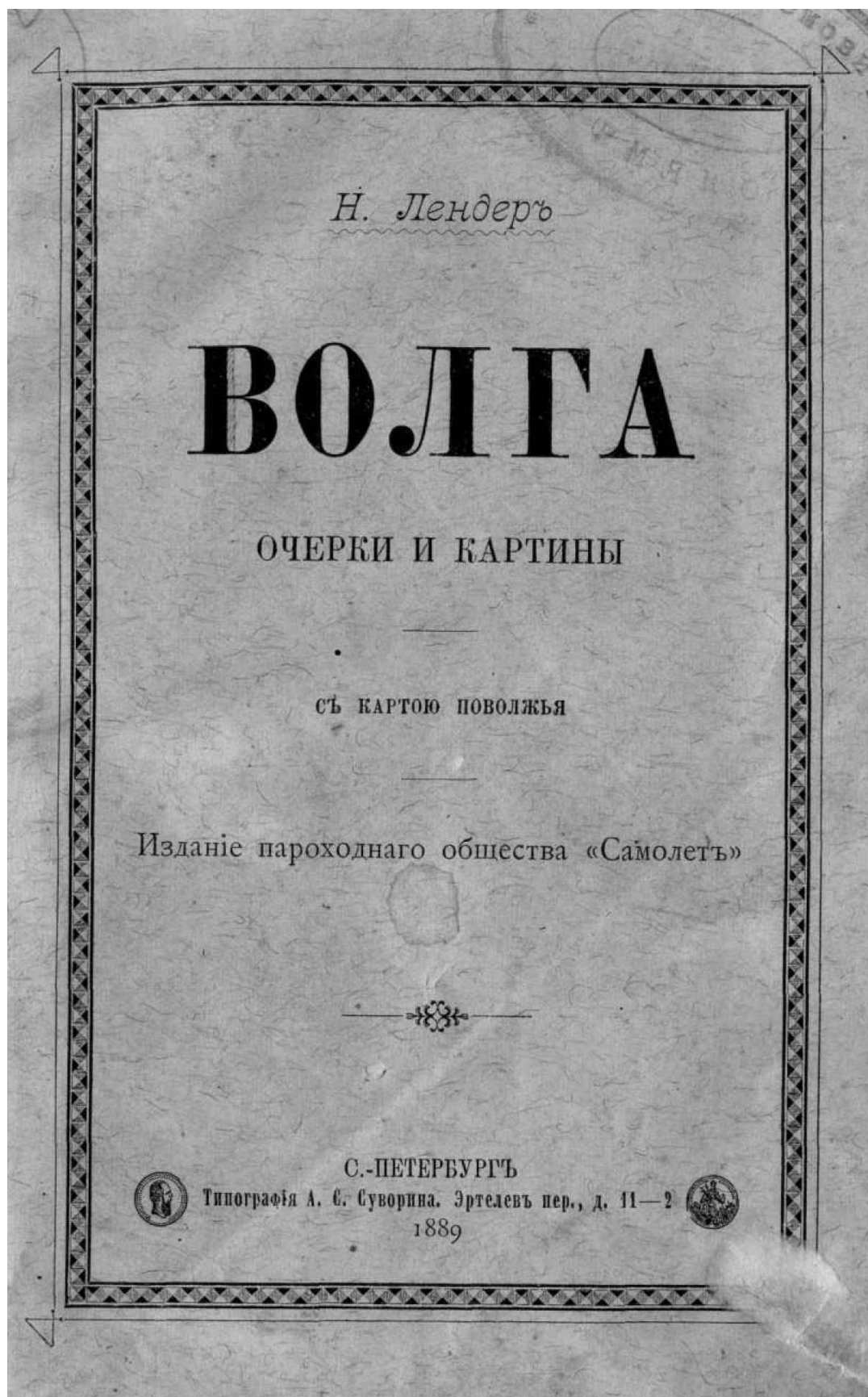

Лендер Н.Н. Волга: Очерки и картины (с картою Поволжья). Издание пароходного общества «Самолет». СПб, Типография А.С. Суворина. Эртелев пер., д. 11-2: 1889.

[С. 202 - 210] Сарепта

Сарепта, приютившаяся на крайнем юге Саратовской губернии, на рубеже с Астраханской, представляет собою совершенно изолированный от всяких посторонних веяний отдельный крошечный мирок, ни одним штрихом не напоминающий остальные пункты Поволжья. Жители Сарепты - немецкие колонисты, принадлежащие к религиозно-экономической ассоциации, известной под именем гернгутеров или евангелического братства (Brüder Unität), высшею целью которого основатели братства поставили осуществление на земле истинно благочестивой жизни Спасителя и его апостолов.

Гернгутерское братство, благодаря, действительно, высокой нравственности и трудолюбию, приобрело много последователей, которые распространили свои поселения по северной и средней Германии, в Англии и даже в северной Америке. Везде члены братства упрочили за собою репутацию мирных и полезных людей.

Сама природа как-то содействует изолированности и поэтической уединенности Сарепты.

Колония расположена среди холмов и бесконечных низовых степей и отделена от Волги некоторым пространством незастроенной земли. Расстояние ее от паровой пристани составляет около семи верст. С палубы парохода вы ни за что не увидите Сарепты: она прячется за довольно высоким обрывистым правым берегом Волги и совершенно теряется среди холмов и зелени. Она словно боится чужого взора и праздного любопытства; она живет сама в себе тихо и уединенно. Да и недаром: здесь среди маленького кружка людей, соединенных одними верованиями, одними стремлениями, одним образом жизни, нет ни друзей, ни врагов. Здесь, по слову Евангелия, все - братья и сестры; здесь нет «господина такого-то, а есть брат такой-то». Все братья живут той незаметной и трудолюбивой жизнью, которая не идет дальше семейного очага.

Здесь нет ни собрания, ни клуба, ни простого ресторана или трактира; здесь не имеют понятия о театре и здесь не может быть ни светских увеселений, ни концертов, ни певцов, ни даже странствующих музыкантов. Иногда, и то редко, при окружающей мертвой тишине, вы услышите из полуоткрытого окна зажиточного дома духовную музыку, а подчас и невинные вальсы немецкого происхождения. Духовную музыку здесь любят, а если вы посетите здешнюю лютеранскую церковь, то получите истинное наслаждение, прослушав замечательно стройное, красивое и дружное исполнение божественных гимнов под звуки прекрасного, мощного органа. Я никогда не забуду того истинно поэтического впечатления, которое произвел на меня первый вечер, проведенный в колонии. Несколько утомившись осмотром городка, я присел в саду на скамейке, под сенью тополей. Был чудный, тихий вечер; листочек не шелухнул. Над городом распростерлась чистая синяя глубь безоблачного южного неба. Вся колония, казалось, спит, убаюкиваемая ароматом ночи, безмятежно отдыхая от дневных забот. На площади, на улицах и в саду ни души. И вдруг, среди этого общего безмолвия, до меня донеслись, словно таявшие в поднебесной выси, молитвенные звуки органа в стройные голоса певцов. Это здешние братья собрались в своей церкви для богослужения. Долго я слушал их пение и не мог оторваться.

Недаром уполномоченные гернгутеров, живо откликнувшись на манифест Екатерины II, приглашавшей в Россию иностранных поселенцев, облюбовали местечко при впадении в Волгу р. Сарпы, где стоит Сарепта. Здесь, действительно, хорошо. Проезжая семь верст от пристани пароходства до колонии, вы имеете возможность вдоволь налюбоваться и живописными возвышенностями, спускающимися к проезжей дороге, и оврагами, и пашнями, на которых встретится работник с верблюдом. Затем, дорога идет по менее интересной местности: по выжженной горячим южным солнцем однообразной, бесконечной и безлюдной степи, распростершейся от волжского берега до самого въезда в уютную, приветливую, хорошенькую

Сарепту. Аккуратный немец-извозчик, без торга и без запрашивания лишней цены, привезет вас в маленькую местную гостиницу. Я не останавливался в гостинице, воспользовавшись гостеприимством одного благочестивого бюргера, который очень любезно и за сравнительно недорогую плату отвел мне две комнаты.

Окна комнат выходили на улицу, обсаженную по обеим сторонам красивыми тополями, раскидистыми кленами и другими деревьями. В комнатах было уютно и чисто. Тут была старомодная, но опрятно содержимая мебель, прислоненная к белым, как полотно, стенам, старое, но сохранившееся пианино, ряды картин и портретов, полочка с книгами божественного и богослужебного содержания и старинные настенные часы. Среди картин находились изображения некоторых моментов из земной жизни Христа-Спасителя, изображение Мартина Лютера, сделанное по случаю четырехсотлетия со дня его рождения, затем, ряд видов саксонской Швейцарии. На первом же месте, в главной комнате, помещался портрет Государя Императора.

Вся колония состоит из множества маленьких, тщательно выбеленных каменных домиков, по преимуществу одноэтажных, с большими решетчатыми окнами, снабженными особыми сетками, для защиты от мух и комаров, не дающих покоя обывателям. Улицы правильные; движения по ним почти не замечается. Изредка проедет калмыцкая телега, запряженная верблюдом, волами, или работник, изобильно нагруженный дынями и арбузами.

На главной площадке перед вами те же белые домики, но несколько большего размера. Рядом с поместительной лютеранской церковью — местное управление, школа, гостиница для приезжающих; тут же, наконец, аптека, магазины и небольшой сад. На белом фоне зданий ярко выделяются идущие вдоль дороги ряды тополей. Уличная жизнь здесь совершенно отсутствует; все живут дома, уединенно, не интересуясь ни сплетнями, ни пересудами, ни даже просто жизнью соседей. Приезжий человек также не

возбуждает никакого праздного любопытства. Здешние люди и сами по себе серьезны и религиозны, и серьезно настроены. Воскресенье соблюдается свято. В этот день общее спокойствие и тишина удваиваются, торговли нет и магазины закрыты. Утром, в три четверти десятого, почти все дома пустеют; «братья» идут на молитву в церковь, где, не проронив ни одного слова, с величайшим вниманием слушают проповедь пастора, кстати сказать, великолепного оратора, умеющего тронуть струны сердца. По окончании богослужения, все, так же тихо и безмолвно, расходится по домам. Время распределено точно по мерочке, с чисто немецкою аккуратностью. Вставая в шесть часов, братья ровно в 12 часов обедают, а к 10 часам ложатся спать. И ни минутой позже, ни минутой раньше. В десять часов весь городок спит и во всех домах закрыты ставни.

В это время над заснувшей колонией расстилает свои объятия та восхитительная, дивная ночь, о которой жители севера не имеют понятия. Все неподвижно, все замерло; ровный успокоительный свет луны ложится на дома, на дорогу, яркою белизною отливающую под ее лучами, на высокие пирамидальные тополи... Мириады звезд зажглись в чудной лазури неба и так ярко, так хорошо горят они, явственно видимые сквозь чистый прозрачный воздух. Контрасты света и теней получают особенную рельефность и чрезвычайную определенность очертаний.

Жителей в Сарепте немного; едва ли я ошибусь, если скажу, что их наберется всего-на-всего тысячу. Кроме немецкого населения, здесь есть русские, татары и калмыки. Немецкая речь, конечно, преобладает, но вы очень часто услышите и русский язык, который многие здесь знают. Сарептские бюргеры и колонисты по большей части люди пожилые, в преклонных годах; молодежи мало и ее как-то не видно. Большинство жителей колонии люди достаточные, иногда весьма богатые. Здесь, действительно, нельзя было бы прожить, или же сильно поистратиться по самому характеру городка и по складу жизни. Нельзя, к тому же, не упомянуть, что дороговизна и наглое эксплуататорство карманов приезжих,

проникшее теперь в самые глухие уголки нашей провинции, пока еще, слава Богу, не нашли себе места в таких пунктах, как Сарепта.

Тихой и безмятежной жизни сарептских жителей не мешают и калмыки, расположившиеся со своими шалашами и чумами на полях в окрестностях города. Прежде, в давнее время, эти кочевники причиняли много горя немецким колонистам, но теперь они сделались гораздо менее опасными людьми и спокойно промышляют скотоводством и некоторыми работами. Жаль только, что калмыки, говорят, подчас не брезгают заниматься воровством. На этот случай приезжему советуют всегда быть осторожнее и не оставляют отпертыми окна комнаты. Калмыки невольно обращают внимание приезжего своими донельзя оригинальными костюмами, состоящими из длинной, синего цвета одежды, и шапочек, на которых резко выделяется желтый цвет. Загорелых, с коричневыми лицами, бойких калмыцких ребятишек вы видите на каждом шагу; они как-то особенно мило выглядят в своем национальном одеянии.

Теперь несколько слов о достопримечательностях Сарепты — о знаменитой сарептской горчице. Здесь имеются три больших горчичных завода; один из них принадлежит г. Глич, другой - г. Кноблох, третий - г. Гольдбах. Кроме горчичных заводов, здесь существуют и другие, например, мыловаренный и пивоваренный. В окрестностях колонии порядочные места заняты бахчами, т. е. огородами, принадлежащими сарептским жителям. На этих бахчах колонисты разводят великолепные арбузы и дыни, подобных которым я не встречал в других местах на Волге.

Такова Сарепта, этот когда-то умственный и промышленный центр всех приволжских колоний, уступивший теперь первенство по количеству населения другим приволжским колониям. Ближайшие окрестности городка чрезвычайно живописны; с одного из холмов близ него открывается чудный вид на далекое пространство. В ясных очертаниях виднеется Волга с ее берегами, а Сарепта, вся утопающая в зелени тополей, распростерлась точно у самых ваших ног. Вы видите и Сарпу, маленькую речку, сильно мелеющую

и высыхающую летом. В это время она местами превращается просто в ручеек и место ее впадения в Волгу делается почти незаметным.

Жители не пользуются водой Сарпы; они берут воду из особых источников, имеющих почти на всех улицах и доставляющих чистую, прекрасную, свежую воду из ключей, расположенных за колонией.

Теплым отрадным чувством веет от этого маленького уголка немецких колонистов, у которых я с удовольствием прогостил две недели. Меня не могут упрекнуть в каком-нибудь излишнем пристрастии к этим людям. Эти люди не те немцы, подчас грубые эксплуататоры, каких мы видим в столицах и в больших городах. Сарептские колонисты - это прежде всего христиане, а затем уже немцы. И этим, мне кажется, все достаточно объясняется.

Астраханский край.

До Владимировки.

За Сарептой, по обоим сторонам Волги, широкой полосой вплоть до Приуралья на восток и до притоков Дона на западе, распростерлась громадная Астраханская губерния, занимающая пространство в 750000 кв. верст и заключающая в своих пяти уездах (Астраханский, Енотаевский, Красноярский, Царицынский, Чёрноярский) и степях 800000 душ населения, в том числе около 200000 в Киргизской степи и до 130000 в Калмыцкой. Обе эти степи расположились друг против друга; одна на левом побережье Волги в стороне от реки, другая - на правом, непосредственно примыкая к волжскому берегу и захватывая уезды: Чёрноярский, Енотаевский и Астраханский. Вся эта степь, служившая когда-то дном Каспийского моря, состоит из песков и солончаков, среди которых расположены там - сям плодородные оазисы. От крутого поворота на юго-восток, делаемого Волгой между Царицыном и Сарептою отходит на юг длинная цепь Ергеней—отрогов Волжских гор и холмов, оставляющих реку немного севернее Сарепты. Параллельно им расположен ряд небольших озер, протянувшихся далеко на юг и оканчивающихся у пределов Ставропольской губернии, не доходя реки Кумы, от устья которой по западной части Каспийского моря

тянется на север пестрая сеть островков, кос и мысов, сменяемых у Астрахани более крупными островами, а затем снова мелких и дробящихся вплоть до устьев Урала. Параллельно рек, через всю Астраханскую губ.

вплоть до Каспийского моря, идет большой рукав Ахтуба, отделяющийся от Волги в 28-ми верстах ниже Дубовки и в 20-ти выше Царицына. По Ахтубе расположено много поселков: село Верхне-Ахтубинское, Средне-Ахтубинское, Заплавное, Пришиб, село Колобовщина, уездный город Царев, Зубовка, Капустин-Яр, Пологое Займище, Владимировка, Новониколаевская, Болхуны, Пирогово, Сасыкольское, Харабали, Селитрянное и друг., а в нижней части ее группируются ватаги и рыбные промыслы. Среди перечисленных сел есть пункты с большим населением (напр., Болхуны, имеющие более 7 тыс. душ, Средне-Ахтубинское, Капустин Яр и друг.). Ахтубинская долина не обижена природой: тут есть много богатых садов, изобилующих яблоками; имеются паровые маслобойни, мельницы и много кожевенных заводов.

К Ахтубе прилегают десятки протоков, разделенных множеством островов. Эта сеть протоков идет вплоть до волжской дельты, начинающейся верстах в 60-ти выше Астрахани, где от коренной Волги отделяется рукав Бузан, который проходить мимо уездного города Краснаго Яра. В 4-х верстах выше Астрахани Волга отделяет рукав Балду, у самой Астрахани рукав Кутум, в 3-х верстах ниже рукав Царев, в 9-ти верстах - Тизань и мног. другие.

Рукава Волги и протоки образуют при устье сложный водный лабиринт, который выносит волжские воды в Каспийское море¹.

¹ **Наметим** мели, перевалы и перекаты, идущие от Царицына вплоть до устья Волги. Тут находятся: Царицынские и Отраднинские перевалы, перевал близ Сарепты, у сел Лучки, Поповицкого и Ушаково, у деревни Равинок, близ Каменнаго Яра, затем Ступенские осередки, Бабановские перевалы, Вязовский, Сальянский, перекаты: выше слободы Владимировки, Кадышемский, близ Чернаго Яра, близ Соленого Займища, близ села Никольскаго, станиц Ветлянской и Копановской, близ Енотаевска, близ ст. Замьяновской и Дурновской, россыпи выше Астрахани, между р. Балдою и Царевом, и несколько россыпей в Батемировском рукаве и проч.

За Сарептой правый берег теряет свой красивый холмистый вид и представляется длинной лентой голых песчаных обрывов, тянущихся ровной-ровной линией и порою почти вертикальных. Местами они поднимаются до значительной высоты, но, лишённые растительности, выглядят темно-серыми и угрюмыми.

Разбившись на массу протоков, Волга делается немного мельче, чем была до Царицына, а линия берега иногда отдаляется от фарватера на громадное расстояние, уступая место островам. На береговых выступах и крутоярах там-и-сям расположены села и деревни далеко уже не столь многочисленные как в предшествовавших местностях и разделенные друг от друга большими расстояниями.

В 11 верстах за Сарептой находится село Лучки, в 40 верстах за ним — Каменный Яр, а пройдя еще 36 верст пароход подходит к слободе Владимировке. Край глухой и все встречные селения имеют унылый и часто бедный вид. Перед вами ветхие деревянные домики, избы, крытые соломой, плетни и заборы. Слобода Владимировка в этом смысле составляет исключение. Она широко вытянулась по невысокому левому берегу Волги. Владимировка — исходный пункт соляного царства Астраханской губернии, соединенный 53-х верстной железной дорогой с Баскунчакским озером...